

В.С. Сидорец

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВЕРБОИДАМИ И ГЛАГОЛАМИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Термин *вербоиды* мы распространяем на неоднословные наименования действия (имеется в виду действие в категориально-грамматическом смысле) с десемантизированным компонентом (деривантом) типа *вести деятельность* (*вєсці дзейнасць, вести діяльність*), *нести ответственность* (*несці адказнасць, нести відповідальність*).

Отношение *вербоид* – глагол представляет частный случай проявления системности языка, того, что принято в лингвистической науке называть изоморфизмом. Изоморфными могут быть любые по степени сложности языковые единицы, если они обладают общими свойствами, которые закономерно выявляются в процессе функционирования этих единиц в речи.

К числу общих свойств у глаголов и вербоидов относятся следующие: 1) категориальная семантика – процессуальность; 2) деривационная соотнесенность; 3) морфологическая соотнесенность; 4) соотнесенность синтаксических функций.

Подобная близость на иерархической лестнице вербоидов и глаголов вытекает из их функциональной сущности – быть коммуникативными эквивалентами (термин В.М. Никитевича) глаголов. Вербоиды прошли в сфере функционально-семантической категории процессуальности длительный путь специализации, способствовавшей десемантизации их глагольных компонентов. Причем степень редукции индивидуальной лексической семы различна. Так, в современном русском языке компоненты *подвергать, подвергаться, совершать* утратили эту сему. В результате они сочетаются только с предикатными существительными, т. е. выступают как средства образования – дериванты вербоидов, обозначающих один денотат. В процессе развития русского языка, таким образом, эти глагольные компоненты потеряли способность сочетаться с субстанциальными существительными, приобрели соответствующую специализацию – выступать исключительно в функции, напоминающей формантную часть производного слова.

Почти редуцировалась денотативная сема глагола *оказывать*: по своему назначению он фактически совпал с приведёнными десемантизированными глаголами, поскольку «обладает тем

почти уникальным свойством, что в современном русском языке у него почти не сохранилось никаких свободных значений» [1, 13], что его «внутренняя форма вышла из игры» [12, 47]. К числу деривантов, утративших «внутреннюю форму», В.Г. Гак относит также глаголы-архаизмы «творить (беззаконие), влачить (жалкое существование), облечь (полномочиями), возвести (клевету, в степень, на престол), возложить (венки, ответственность), блюсти (интересы, законы), навеять (грусть), навлечь (гнев, подозрения) и т.п.» [2, 212].

Причины десемантизации глаголов, как и других частей речи, обусловлены стремлением к постоянному пополнению языка строевыми средствами для непрерывно совершенствующейся организации речевого материала, призванного адекватно реагировать на запросы развивающегося сознания в процессе познания мира. По мнению В.Г. Гака, «все префиксы и суффиксы, флексии и служебные слова в конечном счете происходят от полнозначных слов, только не всегда можно проследить их историю» [2, 234]. Ссылаясь на Л.В. Щербу, В.Г. Гак указывает, «что роль строевого элемента в предложении может играть, в сущности, любая часть речи, причем особенно склонен к этому глагол» [2, 235]. В монографии «Сопоставительная лексикология» [2] он обращает внимание на условия, которые приводят к десемантизации полнозначных слов и превращению их в строевые элементы высказывания. При этом учитываются внутрисловные особенности семантической структуры того или иного слова, парадигматические, синтагматические и ассоциативные факторы.

В аспекте внутрисловном В.Г. Гак вслед за французскими лингвистами выделяет в «семантической структуре значения слова архисемы, дифференциальные семы и виртуэмы – потенциальные семы» [2, 14]. В парадигматическом аспекте он учитывает градацию значений – от широких к узким и наоборот (гиперогипонимические отношения), синонимические и антонимические отношения между десемантизированными компонентами (деривантами) вербоидов. В плане синтагматическом В.Г. Гаком подчеркивается семантическое взаимодействие специализированного слова (дериванта) и ключевого слова, в ассоциативном – делается акцент на метафоре как одном из постоянных важнейших стимулов семантического переосмысления слов.

Если резюмировать приводимый В.Г. Гаком весьма солидный по объему и достаточно убедительный по аргументации материал о десемантизации, то вполне логично рассуждение о том, что отмеченные (и другие) аспекты представляют части языкового механизма, которые под влиянием картины мира, формирующей сознание, через речевую деятельность меняют функциональный статус слов, превращая их из полнозначных в неполнозначные, строевые элементы высказывания, не осуществляющие самостоятельно знаковой репрезентации. Пожалуй, стержневым в этом процессе является стирание (нередко через метафоризацию) дифференциальных сем – ядерных элементов в значениях слов, отличающих одно значение от другого, при сохранении архисемы, свойственной группе, классу слов. Здесь наблюдается процесс своеобразного обобщения, гиперонимизации значения слов и увеличения их сочетательных возможностей. Ослабление, стирание дифференциального значения слова, приобретение словом строевых, служебных, морфемных функций «происходит постоянно, следуя через ряд этапов. Первым этапом можно считать такое положение, когда слово семантически избыточно, когда оно употребляется не для того, чтобы обозначить то или иное понятие, а с конструктивными целями. Далее в таком слове собственное значение может все более опустошаться, его семантическая нагрузка в предложении становится подобной семантической нагрузке служебного слова или морфемы. И наконец, об окончательном выветривании собственного значения у слова и превращении его в служебный элемент свидетельствует его употребление, противоречащее его основному значению (семантическое рассогласование)» [2, 238].

Однако большинство глаголов, входящих в состав вербоидов, могут создавать с предметными по своему характеру, субстанциальными существительными различные словосочетания, сохраняя денотативное значение: *вести эксперимент – вести брата, давать оценку – давать книгу, получать ответ – получать пакет, приобретать популярность – приобретать квартиру*.

В принципе это относится и к белорусскому языку, в котором в специализированной функции закрепились глаголы *аказваць, падвяргаць, падвяргацца*.

Почти потеряли способность сочетаться с субстанциальными существительными глаголы *здаваці, зазнаваці, прыводзіці, коіці* и нек. др. в украинском языке.

В остальных случаях белорусские и украинские глаголы широко сочетаются с предикатно-признаковыми и субстанциальными существительными: *весці эксперимент – весці брата, даваць*

ацэнку – даваць кнігу, атрымліваць адказ – атрымліваць пакет, набываць папулярнасць – набываць кватэру; весті эксперимент – весті брата, давати оцінку – давати кніжку, одержувати відповідь – одержувати пакет, набувати популярності – набувати квартиру.

Дериванты, порожденные такими глаголами, сохраняют в своей структуре редуцированную «внутреннюю форму», преобразующуюся в коннотативные элементы – «смысловые признаки, которые дифференцируют выражение одного и того же смысла при определенном ключевом слове, что свидетельствует об их семантических дистинкциях» [12, 47], или реализуют качественно-количественные семы – способы глагольного действия – в семантической структуре вербоидов: *выразить готовность, изъяслять готовность, находиться в готовности, держать в готовности, приводить в готовность; давать характеристику* (коннотативный элемент «передавать из рук в руки, вручать» в семантике дериванта *давать* закладывает значимость вербоидного действия, которая отсутствует в глаголе *характеризовать*), *приводить в исполнение* (коннотативный элемент дериванта *приводить* «ведя, заставляя, побуждать прийти куда-либо» является базой интенсифицированного результата вербоидного действия, чего нет в глаголе *исполнять*).

Эти факты демонстрируют результаты материализации понятийной категории процессуальности через различные стадии номинации процессуально-признаковых фактов от различного типа словосочетаний до типичных, исторически выработанных средств – глаголов, что является, как уже отмечалось, важным объектом функциональной ономазиологии, которая должна стать и «станет конкретным и важным предметом лингвистической науки, когда начнется всеобщее описание корреляций производных слов результата словообразования – с производными номинациями – результатом синтаксического и аналитического способов номинативной деривации» [6, 24].

Важным подспорьем ономазиологических исследований представляется введение базовых понятий: ономазиологическая структура и ономазиологическая категория. Стремление ряда ученых определить сущность и границы ономазиологических категорий весьма интересно и позволяет глубже понять различные номинативные процессы, однако критерии определения этих категорий, как замечает Е.А. Селиванова, ссылаясь на труды ученых разных периодов, остаются неочерченными и противоречивыми [7, 31]. Более рельефно, но также не лишено некоторой расплывчатости определение ономазиологических категорий самой Селивановой: «... под ономазиологическими категориями понимаются классы знаков регулярной формы, соответствующих ей семантически и понятийно. Это могут быть как частеречно организованные, маргинальные, так и внутривчастеречные концептуально-семантические группы» [7, 32].

Продолжает оставаться актуальным введенное в научный обиход чешским языковедом М. Докулилом [3, 197] понятие ономазиологической структуры, состоящей из ономазиологического базиса-категории (известное, старое, своеобразная тема) и ономазиологического признака (новое, своеобразная рема).

Интересное теоретическое обоснование и развитие эта мысль получила в работах В.М. Никитевича, который определяет формулу любой номинативной единицы – номемы. Номема – это своеобразный «бином СС + КС (семантическая составляющая плюс классифицирующая составляющая)» [5, 28].

Глагол, как и любое знаменательное слово, – типичный выразитель этой формулы. Естественно, все остальные единицы, функционально близкие глаголу по выражению категориальной семантики – процессуальности, также соответствуют формуле номемы. Вполне логичным представляется изучение возможных оязыковленных средств бинома в единицах, параллельных с глаголами и даже синонимичных с ними (многие глаголы имеют синонимы среди неоднословных номинаций). Так, коммуникативные эквиваленты глаголов – вербоиды – изоморфны по своей деривационной структуре производным глаголам:

вести фотографирование – фотограф-ирова-ть
весці фатаграфаванне – фатаграф-ава-ць
 вести фотографування – фатаграф-ува-ти

нести ответственность – отвеч-а-ть
несці адказнасць – адказ-ва-ць
 нести відповідальність – відповід-а-ти

давать экономию – эконом-и-ть

даваць економію – економ-і-ць

давати економію – економ-и-ти

Данные примеры демонстрируют свойство языковой системы – изоморфизм – в действии: десемантизированные глагольные компоненты вербоидов близки словообразовательным суффиксам производных глаголов по деривационной семантике, а предикатные имена существительные – соответственно производящим основам.

Исследовано и установлено, что словообразовательные элементы – форманты – избирательны в процессе деривации по отношению к производящим словам. Это положение распространяется и на десемантизированный глагольный компонент, выступающий в роли дериванта. В процессе создания вербоидов он сочетается не с любым предикатно-признаковым существительным, а с существительным определенной семантической направленности. Например, деривант *вести* вступает в контакт с существительными *атака, борьба, диалог, лов, монтаж, наблюдение, переговоры, сев, торговля, уборка* и др., но не контактирует с существительными *ажиотаж, беспокойство, великодушие, взгляд, замешательство, отказ, шаг* и др.; деривант *давать* вступает в контакт с существительными *аванс, возможность, выстрел, зал, объяснение, ответ, совет, толчок* и др.; но не контактирует с существительными *агрессия, атака, бездействие, борьба, диалог, замешательство, лов, монтаж* и др. Правда, здесь избирательность не столь жесткая, как при словообразовании. Так, с одним и тем же существительным могут сочетаться несколько десемантизированных глагольных компонентов, создавая вербоиды, совпадающие или близкие по значению: *вести, идти в, предпринимать, производить (атаку); делать, проводить, производить, осуществлять (операцию); возбуждать, вызывать, доставлять, нести, приносить (радость)*.

Те же отношения между десемантизированными глаголами и существительными проявляются в белорусском и украинском языках.

Еще более последователен изоморфизм между глаголом и вербоидом в морфологическом аспекте:

оценивать	давать оценку
оцениваю	даю оценку
оценивал	давал оценку
буду оценивать	буду давать оценку
оценивающий	дающий оценку
оценивавший	дававший оценку
оцениваемый	тот, кому (чему) дают оценку;
оценивая	давая оценку
оценивай	давай оценку
оценивал бы	давал бы оценку

ацэньваць	даваць ацэнку
ацэньваю	даю ацэнку
ацэньваў	даваў ацэнку
буду ацэньваць	буду даваць ацэнку
ацэньваючы	даючы ацэнку
ацэньваўшы	даваўшы ацэнку
ацэньваемы	той, каму (чаму) даюць ацэнку
ацэньваючы	даючы ацэнку
ацэньвай	давай ацэнку
ацэньваў бы	даваў бы ацэнку

оцінювати	давати оцінку
оцінюю	даю оцінку
оцінював	давав оцінку
оцінюватиму	даватиму оцінку
оцінюючий	даючий оцінку
оцінюючи	даючи оцінку
оціноюй	давай оцінку
оцінював би	давав би оцінку

В русском и белорусском языках, как видим, отсутствует только морфологическая корреляция страдательных причастий *оцениваемый, ацэньваемы*, вместо которой используется синонимичная синтаксическая конструкция. В украинском языке представлены все возможные корреляции (причастия действительного залога прошедшего времени на -ш-, -вш-, а также причастия страдательного залога настоящего времени вышли из употребления).

После рассмотрения приведенных фактов, которое можно было продолжить, утверждение того, что неоднословные наименования действия – вербоиды – ближе всех на иерархической лестнице к глаголам, воспринимается как более объективное. Однако вербоиды не адекватны глаголам по многим свойствам. Часто вербоиды восполняют формы, отсутствующие в парадигмах различных глаголов. Так, в русском языке вербоиды *одержать победу, прийти к убеждению и др.* могут выступать вместо глаголов совершенного вида *победить, убедиться*, в форме первого лица ед. числа будущего времени: *одержу победу, приду к убеждению* (я *приду к полному убеждению в его правоте, когда основательно изучу это дело*).

Деепричастия несовершенного вида, не образующиеся от глаголов *бежать, течь*, а также совершенного вида от глаголов *недомогать, преследовать* и др. восполняются нужными для реализации высказывания формами вербоидов *вести бег* (спец.), *выполнять бег*, (спец.), *осуществлять бег* (спец.), *давать течь, испытывать недомогание, подвергнуть преследованиям: веда, выполняя, осуществляя – бег; давая течь, испытывая недомогание* (*Испытав вчера сильное недомогание, я и сегодня чувствую себя неважно*), *подвергнув преследованиям* (*Подвергнув преследованиям инакомыслящих, они нанесли удар по всему обществу*).

Нередко вербоид восполняет несколько форм, отсутствующих в парадигме глагола. Таковы отношения между глаголом совершенного вида *приютить* и вербоидом *дать (давать) приют*: *дам приют, дающий приют, давая приют*.

Устранение вакуумных мест в глагольных парадигмах с помощью вербоидов распространено в белорусском и украинском языках. В белорусском языке – среди спрягаемых форм:

я адчуваю залежнасць ад гэтых людзей	я залежу ад гэтых людзей
я адчуваў залежнасць ад гэтых людзей	я залежаў ад гэтых людзей
я буду адчуваць залежнасць ад гэтых людзей	я буду залежаць ад гэтых людзей
я хутка адчую залежнасць ад гэтых людзей	(?)
я адчуў залежнасць ад гэтых людзей	(?)

Среди причастий: *адчуваючыя сімпатыю – сімпатизуючыя, адчуваючыя гордасць – (?)*; среди деепричастий: *маючы уяўленне – уяўляючы, маючы гучанне – (?)*

В украинском языке – среди спрягаемых форм:

я поринаю в мрії	я мрію
я поринав в мрії	я мріяв
я поринатиму в мрії	я мріятиму
я порину у мрії	(?)
я поринув у мрії	(?)

Среди причастий: *відчуваючий симпатію – симпатизуючий, відчуваючий гордість – (?)*; среди деепричастий: *ведучи експеримент – експериментуючи, ведучи дружбу – (?)*.

В целом вербоиды оказывают существенную помощь глагольной парадигматике. Отмеченные свойства вербоидов должны и в дальнейшем изучаться как в каждом, отдельно взятом восточнославянском языке, так и в сопоставительном аспекте, что позволит разобраться в скрытых, на первый взгляд, но реальных языковых фактах.

В отличие от глаголов, вербоиды проникаемы по грамматической структуре, восходящей к модели словосочетания, обозначают один денотат. Глаголы же нередко сложнее по своей денотации. Глагол *асфальтировать*, например, реализует два денотата: имплицитный – по семантике глагола *покрывать* и эксплицитный – по семантике существительного *асфальт*. Глагол *бинтовать* – также два: имплицитный – по семантике глагола *перевязывать* и эксплицитный – по семантике существительного *бинт*.

Вербоиды, близкие по значению к глаголам, характеризуются следующей чертой: если глагол полисемичен, то вербоид вступает в синонимические отношения чаще всего с одним его

значением, т.е. в отличие от глагола он обычно моносемичен. Поэтому вербоиды «разгружают» многозначные глаголы.

Глагол *апеллюровать*, например, имеет два значения: специальное и неспециальное [8, 41]. Первое, специальное, передаёт вербоид *подавать апелляцию*: «*Мы подали апелляцию на решение районного суда в областной суд*» (Радиопередача от 25.03.90 г.). Глагол *гаварыць* зафиксирован с пятью значениями. Вербоид *весці гутарку* связан отношениями синонимии только с третьим – «*весці гутарку, размаўляць з кім-небудзь*» [13, 8]: «*Чытаеш вершы гэтага томіка, і здаецца – вось ён, побач з табою, сам аўтар, і сваім прыглушана-радасным голасам вядзе шчырую гаворку, каля якой не раз грэўся душою і ты сам*» (Полымя, 1980, №10, с.250). К глаголу *співати* дається семь основных значений. Из них только первое – «*видавати голосом музичні звуки*» [10, 514–515] – имеет смысловое соответствие с вербоидом *вести пісню*: «*Котилась гарба, не спішили воли – полільниці пісню розлогу вели*» (Літературна Україна, 12.08.80, 3).

Как видим, «описательный оборот такого типа – широко распространённая конструкция русского языка (а также белорусского и украинского. – В.С.) на разных этапах его истории. Она возникла и по сей день развивается... не как лексический дублет глагола, а как грамматически более ёмкий по сравнению с глаголом приём характеристики глагольного действия» [4, 54]. Естественно, «типичность» глаголов как средств наименования акционально-неакционального признака, несмотря на то что они завершают номинативный ряд (термин профессора В.М. Никитевича), представляется достаточно относительной, особенно в сфере непредметных сущностей. Здесь «словообразовательные («типичные». – В.С.) средства номинации крайне непродуктивны» [12, 142], потому что они «недостаточно выразительны для отображения психической и интеллектуальной деятельности человека» [12, 144], поскольку «морфологический инструментарий абстрактен, не нагляден, а для обозначения ненаблюдаемой действительности нужна, как это ни парадоксально, экстенциональная поддержка – образное видение того, что происходит незримо, не затрагивает рефлекторно-чувственные рецепторы» [12, 144].

Следовательно, десемантизация лексических единиц, в данном случае глаголов, превращение их в строевые, базовые элементы вербоидов – необходимый процесс в речи, получающий закрепление в системе языка, процесс, обусловленный непрерывным воздействием на сознание человека как предметных, так и непредметных, абстрактных сущностей. Огромную поддержку в таком преобразовании оказывает метафоризация, которая с древнейшего периода формирования человеческого языка способствовала, как резонно замечает Ю.С. Степанов, развитию трех типов грамматических абстракций – номинации, предикации, локации – и возникновению в их рамках трех различного типа грамматических категорий [11, 142]. Сущностью же метафорических переносов является смена денотатов. Этот процесс в речевой деятельности, закрепляющийся в общем языке, начинается «от самого человека и от ближайшей к человеку действительности», распространяясь «на весь остальной мир» [11, 23].

Развивая мысли Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой и др., В.Н. Телия подчеркивает, что «несвободная сочетаемость слов (в нашем случае в сфере вербоидов – В.С.) порождается двумя метафорами – метафорой грамматической, оперирующей на платформе синтаксической транспозиции и охватывающей всю синтаксически согласованную цепочку слов, и метафорой лексической, преобразующей смысловое содержание слова, обозначающего какой-либо признак семантически ключевого слова. Такая метафоричность сочетаний и обуславливает их несвободу (преобразующуюся в деривационную взаимосвязь – В.С.), но переосмысливается (десемантизируется – В.С.) только семантически зависимое слово, а ключевое выбирается в соответствии со своим собственным лексическим значением, имплицитным смысловым основания выбора и комбинации требуемых по смыслу высказывания номинативных средств выражения» [12, 152].

Особый акцент В.Н. Телия делает на метафоре как динамическом процессе с учетом не только того, как она «сделана», но и того, как она конструируется в процессе высказывания. В своих дальнейших изысканиях она опирается на динамический аспект модели метафоры, модели, разработанной М. Блэком на основе теории референции. При формировании метафорического значения присутствуют две сущности и две системы свойств каждой из этих сущностей. Первая сущность («основной субъект») получает обозначение, а вторая сущность («вспомогательный субъект») – дает обозначение первой. При этом в процесс конструирования метафоры вовлекаются как свойства, заложенные в первом, основном субъекте, так и свойства, актуализируемые во втором, вспомогательном субъекте, которые характеризуются сходством,

дающим «повод для аналогии», служа мотивом при создании метафоры» [12, 153]. Свойства основного субъекта, пропущенные через призму свойств вспомогательного субъекта, порождают метафорический эффект. Так, значение, выражаемое лексической метафорой *плакала береза*, – результат взаимодействия свойства первого, основного субъекта – березы – *выделять березовый сок* со свойством второго, вспомогательного субъекта – человека – *плакать* – «проливать слезы (от горя, боли и т.п.)» [9, 131] на основе общей семы *выделять жидкость*. Актуализируемая индивидуальная сема глагола *плакать* переносится на основной субъект, создавая желаемый метафорический эффект.

В сфере вербоидов, особенно тех, десемантизированные глаголы которых полностью специализировались в функции дериванта, метафоризация перешла на грамматический, точнее – номинативно-деривационный уровень (*оказывать влияние, подвергаться критике; оказавць уплыу, надваргаца крытыцы; зазнавати критики, скоювати злочин*), но в тех вербоидах, дериванты которых превращаются в полнозначные глаголы, восстанавливая под влиянием контекста индивидуальные семы, заметен, хотя и в весьма ослабленном, редуцированном виде, лексический подтекст метафоризации: *вести (весці, вести) агитацию (агітацыю, агітацію) – вести (весці, вести) сестру (сястру, сестру)*.

Вербоид *вести агитацию* значимее, интенсивнее по выражаемому значению, чем глагол *агитировать*. Это вербоидное качество сформировалось на базе основного субъекта – в данном случае опредмеченного действия *агитация* и субъекта вспомогательного – в данном случае одушевленного предмета *сестра*, который испытывает действие, обозначенное глаголом *вести*. Условием взаимодействия является грамматическое сходство субъектов – принадлежность к одной лексико-грамматической категории – предметности, представляющей имя существительное. Обусловленное таким способом взаимодействие субъектов актуализирует индивидуальную сему глагола *вести*. Параллельно основной субъект – предикатное существительное *агитация* – «экспроприрует» эту сему, в определенной степени десемантизирует её, превращая в коннотативный элемент, и направляет через призму своей семантики на интенсификацию значимости общего вербоидного действия. Элементы лексической метафоры, таким образом, сохраняются в вербоиде *вести агитацию* благодаря модифицированной индивидуальной номинативной семе глагола *вести (вести сестру)*, получившего, в свою очередь, статус вербоидного дериванта, который транспонирует процесс *агитация* из лексико-грамматической категории предметности в лексико-грамматическую категорию процессуальности.

Почти так же трактуется номинативно-деривационная структура вербоидов с признаковым существительным типа *приобретать популярность (набываць папулярнасць, набувати популярності)* в сопоставлении со словосочетанием типа *приобретать книгу (набываць кнігу, набувати книжку)*. Собственно в восточнославянских языках представлены многочисленные серии вербоидов с сохраняющимися в их структуре элементами лексической метафоры, но, как и вербоиды, не сохранившие этих элементов, они подчиняются выработанному стандарту: при наличии в языке средств «транспозиции глаголов и прилагательных в имена существительные... в нем с неизбежностью образуются несвободные сочетания слов (в их числе и вербоиды. – В.С.) как дань его грамматике, которая закономерно включает в себя отклонения от общих правил, как только опредмеченные имена вступают в смысловое согласование на основе ассоциативно-предметных связей» [12, 151]. Здесь, таким образом, «за явлением синтаксической транспозиции живет и действует регулярная грамматическая метафора» [12, 151] – своеобразный механизм, непрерывно создающий по существующим в языковом сознании ономастиологическим моделям, смысловым номинативным стандартам, дискретные лексические единицы – вербоиды.

Естественен в таком случае вопрос о типичности однословных средств наименования акционально-неакциональных фактов – глаголов – в связи с параллельным существованием с глубокой древности и непрерывным появлением и распространением вербоидов вплоть до настоящего времени, особенно вербоидов, обслуживающих сферу интеллектуальной и психической деятельности человека.

Однозначный ответ на этот вопрос отсутствует. Действительно, словообразовательный механизм порождает завершающую ступеньку номинативного ряда – глаголы. Однако глаголы, как и прилагательные, могут под воздействием денотативно-сигнификативных импульсов транспонироваться с помощью синтаксической деривации (термин Е. Куриловича) в предикатно-признаковые существительные. Наконец, глаголы определенных семантических характеристик по

требованию предикатно-признаковых существительных, своеобразных синтаксических дериватов «оборотней», превращаются в различные по степени десемантизации строевые элементы вербоидов – дериванты.

Итак, восточнославянские языки востребовали и постоянно востребуют вербоиды – единицы, как аргументированно доказывает В.Н. Телия [12, 138–140, 243–245 и др.], более мощные, чем глаголы, и весьма часто единственные выразители того или иного фрагмента объективно-субъективного мира в контексте. В этом смысле они также типичные представители функционально-семантической категории процессуальности, хотя и по своей сущности, и по форме не вписываются в классический номинативный ряд. Логически вербоиды размещаются не перед завершающей номинативный ряд ступенькой – глаголами, а следуют за ними. Этим подтверждается мысль А.И. Молоткова о том, что вербоиды не дублируют глаголов, а более высокая степень реализации акционально-неакционального признака.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.13 – 33.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977.
3. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvosování slov. Praha, 1962.
4. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977.
5. Никитевич В.М. Морфема и номама // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1982.
6. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск.: Вышэйшая школа, 1985.
7. Селиванова Е.А.. Когнитивная ономаσιология. – Киев: Фитосоциоцентр, 2000.
8. Словарь русского языка. В 4 томах. Т.1 – М.: Русский язык, 1981.
9. Словарь русского языка. В 4 томах. Т.3 – М.: Русский язык, 1984.
10. Словник української мови. В 11 томах. Т.9. – Київ: Наукова думка, 1978.
11. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975.
12. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5 тамах. Т.2. – Мінск.: Галоўная рэдакцыя БСЭ, 1978.

Summary

On the materials of modern east-slavonic languages common and specific characteristics of verboids (multiword names of action with desemantized components) and verbs are investigated. It is being proved the peculiarity of verboids and verbs as the means of realization of predicative-signal facts of objective-subjective world.

Поступила в редакцию 10.10.05.